

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ (ФОРМАЦИОННОЕ) ПОНИМАНИЕ ИСТОРИИ

В статье идет речь о материалистическом или марксистском понимании истории, подробно анализируются достоинства и недостатки этой концепции.

Ключевые слова: материализм, формация, базис, надстройка, классы, производительные силы, производственные отношения, способ производства, общественное сознание, социальная революция, прогресс, экономический детерминизм.

V.M. Shlykov

THE MATERIALIST (FORMATIONAL) UNDERSTANDING OF HISTORY

The article deals with the materialist or Marxist understanding of history, is analyzed in detail the advantages and disadvantages of this concept.

Keywords: materialism, formation, foundation, superstructure, classes, productive forces, industrial relations, manufacturing method, social consciousness, social revolution, progress, economic determinism.

В свое время Гегель в мистифицированной и туманной форме поставил проблему поиска в истории объективных закономерностей (последнее, как известно, он связывал с саморазвитием абсолютной идеи). Но идеи, понятия и т.п. существуют не сами по себе, а лишь в головах людей. В противоположность идеалисту Гегелю материалисты утверждают, что «саморазвиваются» не понятия, а люди, которые создают мыслительные конструкции из понятий и идей для постижения и преобразования действительности в своих интересах. «Сознание никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием, а бытие людей есть реальный процесс их жизни» [1, с. 25], – писали К. Маркс и Ф. Энгельс.

Материалистическое понимание истории Маркс кратко сформулировал следующим образом.

«В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный ба-

зис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития производительные материальные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или – что является только юридическим выражением последних, – с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке... В общих чертах, азиатский, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации. Буржуазные производственные отношения являются последней антагонистической формой общественного процесса производства... но развивающиеся в недрах буржуазного общества производительные силы создают, вместе с тем, материальные условия для разрешения этого антагонизма.

---

¹ Профессор, заведующий кафедрой философии НОУ ВПО «Российский новый университет».

Поэтому буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества» [2, с. 137–138].

Итак, по Марксу, история не есть лишь смена идей, прогрессивное «шестивие» разума или свободы, рост культуры или деяния царей и выдающихся личностей. Логика истории не есть логика философских понятий и категорий.

История, согласно Марксу, представляет собой процесс смены общественно-экономических формаций. Начиная с первобытно-общинной, этот процесс проходит четыре стадии: рабовладельческую, феодальную, капиталистическую и коммунистическую.

Основу истории Маркс увидел в материальном производстве, в способе материального производства, одной стороной которого являются производительные силы, а другой – производственные отношения. Первые, в свою очередь, включают в себя орудия и средства труда. Производственные же отношения – это отношения между людьми по поводу вещей и прежде всего, по поводу владения средствами производства (отношения собственности), от которых зависят отношения распределения, обмена и потребления. Противоречия между производительными силами и производственными отношениями обуславливают развитие и смену способов производства и соответствующих общественно-экономических формаций.

Маркс полагал, что производственные отношения не зависят от воли и сознания людей, а детерминируются производительными силами, их характером и уровнем развития. Более того, именно производственные отношения, экономический строй общества или базис определяют общественное сознание, идеологические отношения, которые складываются под влиянием общественного сознания (правовые, например). Одним словом, то, что Марксом было названо надстройкой, куда помимо общественного сознания и идеологических отношений входят оформляющие, закрепляющие последние различные учреждения и институты.

«Можно сказать, что суть формационного подхода сводится к линейно-стадиальному истолкованию истории, дополненному идеей экономического детерминизма. Этот подход утверждает линейность истории (наличие общей линии развития, по которой идут все общества и народы), направленность истории (она движется по пути прогресса, от низших форм к формам все более развитым с точки зрения способа производства), гетерогенность истории... и существование относительного “конца истории” (достигнув коммунистической стадии, история завер-

шается как таковая, превращаясь в “предысторию”») [3, с. 41].

Формационная концепция (впрочем, как и цивилизационная), по мнению Ивина, является односторонней и схематичной.

Марксистскую концепцию часто обвиняли и обвиняют в экономическом детерминизме, в сведении всей многоцветной палитры жизни общества к экономике. Основания для этого есть. Классики марксизма, например, утверждали, что даже «туманные образования в мозгу людей, и те являются необходимыми продуктами, своего рода испарениями их материального жизненного процесса...» [4, с. 25].

Однако в целом основатели марксизма не были односторонними в своих выводах. Они отмечали и относительную самостоятельность надстроечных явлений, их обратное влияние на базис и т.п. По их мнению, нельзя понимать дело так, что, люди лишь нечто вроде игрушек в руках экономической необходимости. Маркс прямо заявлял, что люди сами творят историю, но не так, как им взбретет в голову, ибо они всегда действуют в определенных обстоятельствах, которые достались им от прошлых поколений. Да, люди и актеры – и авторы собственной драмы, но, образно говоря, здание театра, его сцена естественным образом ограничивают пределы их деятельности, их возможности.

Концепция формаций критикуется также за то, что она «оперирует гуманитарно пустыми генерализациями («строй»), «собственность», «трудова ресурс»), обделенными реально человеческим пафосом», за схематизм, что делает ее «не фундаментом конкретно-исторических, а отрешенных социально-экономических описаний» [5, с. 22].

По мнению Ильина, формационный подход также «не отвечает эпистемологически значимому критерию гомогенности. Постулат о примате базиса над надстройкой не проводится в теории последовательно, монистично. «Досадными», однако не рядовыми девиациями общих мест теории выступают: а) соответствующие концептуальные изъятия для дихотомии «базис – надстройка» в случае переходного периода (где политика может первенствовать над экономикой – *В.Ш.*); б) ничем не оправданная, искусственная пролиферация понятий, характеризующих, казалось бы, одно и то же. Такова пара «античная формация» и «рабовладельческий способ производства». Поскольку производительным базисом античности выступал труд не рабов, а свободных крестьян и ремесленников, ситуация античности прямо «выпала» из ячеек формационных представлений» [5, с. 22].

Формационная концепция, считает Ильин, эсхатологична. Любая ступень развития истории в таком случае лишается самодостаточности, «она – лишь веха на пути к последующему. Изображение, предполагающее оценку настоящего через призму будущего, во всех отношениях несовершенно. Во-первых, оно односторонне; во-вторых, как правило, оно смещает акценты, утрачивает перспективу; в-третьих, оно перекрывает возможности непредвзятых анализа объективных альтернатив» [5, с. 23].

Марксистское учение о смене формаций, по сути, является телеологическим в форме экономически истолкованного предопределения. Повидимому, здесь сказалось влияние сциентизма, характерного для XIX в., стремление Маркса построить «строгую» науку об обществе, ни в чем не уступающую наукам о природе. Отсюда – спрямление, сглаживание истории, лишение ее возможных альтернатив, случайностей, многофакторности, непредсказуемости, загадочности.

В марксистском понимании истории все же нет человека, людей, какие бы оговорки ни делали ее основатели и последователи. Вместо конкретных живых людей там действует экономическая необходимость, «способ производства», «производительные силы» и т.п. Причем действие это зачастую трактуется как независимое от воли и сознания людей. На самом деле, в реальной истории многие факторы переплетаются, взаимодействуют, меняются местами. Те, которые были определяющими при одних условиях, могут становиться производными при других.

Философско-историческая концепция Маркса критикуется теми, кто, во-первых, не примет наличия широких, общих законов исторического развития человечества. Если мы все-таки обнаружим такие законы, то они будут полезны для понимания прошлого, но при их помощи нельзя предвидеть будущее. «Маркс рассматривает историческое развитие как предопределенный процесс, который в конечном итоге приведет к формированию в каждом государстве бесклассового общества» [6, с. 151].

Во-вторых, историческая философия Маркса подвергается сомнению за такую трактовку смены формаций, в которой последующая стадия в нравственном отношении превосходит предыдущие. «Иными словами, представления Маркса являются скорее теорией исторического прогресса, чем теорией исторических изменений. Для оценки этого прогресса должен существовать некий стандартный критерий или, иными словами, абсолютный моральный критерий, правомерность использования которого сам же Маркс отрицает в других своих рассуждениях

о нравственности, в частности в одной из своих работ он отмечает, что моральные ценности не есть выражение “вечных истин”: они лишь соответствуют уровню развития того или иного общества. Объективные принципы подхода Маркса к истории противоречат его субъективистским взглядам на мораль общества. Такая непоследовательность лежит в самой основе марксизма» [6, с. 151], – утверждают американские философы.

Социальная доктрина марксизма подвергается критике и по многим другим аспектам. Так, обращается внимание на то, что не оправдались некоторые прогнозы Маркса, например тезис об абсолютном обнищании рабочего класса в странах капитализма, об отмирании государства и замене его бесклассовым обществом, о том, что диктатура пролетариата даст подлинную свободу большинству населения, что ликвидация частной собственности и эксплуатации приведет к мощному росту экономики и т.д.

Действительно, Маркс часто ошибался в прогнозах, не учитывал, к примеру, возможностей эволюции капитализма, думая, что последний находится у порога смерти, а он, по сути, был тогда еще несформировавшимся «юношей». Недооценен в марксизме и национальный фактор как движущая сила общественных явлений и др.

Например, по мнению современного английского историка Д. Тоша «самой большой слабостью марксистской теории является недооценка силы связей между людьми, возникающих по причинам, совершенно не зависящим от производства. Трудно оспорить то, что религиозная, расовая или национальная принадлежность является в долгосрочном плане как минимум столь же важной, как и принадлежность классовая. От подобных связей нельзя просто отмахнуться, назвав их “ложным сознанием”, внедряемым правящим классом, чтобы низшие сословия не осознали, что подвергаются эксплуатации; вероятнее всего, эти связи удовлетворяют фундаментальную человеческую потребность» [7, с. 210].

Однако было бы чудом, мистикой, если бы таких «слабостей» не было. Сделанное Марксом в области социальной теории было настоящей революцией, новой парадигмой, с которой должен считаться всякий теоретик общества, вне зависимости от того, разделяет он эти взгляды или является их противником.

Несомненно, однако, то, что марксистская концепция (как и любая другая) не может претендовать на абсолютную истинность, на полный «охват» и объяснение социальной реальности, являясь всего лишь одной из возможных ее моделей. В силу этого, она не может не быть од-

носторонней, ограниченной, что проявляется, с нашей точки зрения, в явной недооценке влияния духовного фактора на экономические отношения, на всю практическую жизнь людей. Достаточно напомнить выводы Вебера о влиянии этики протестантизма на становление капитализма в странах Западной Европы, о соответствующем воздействии ислама в некоторых странах Востока, о чем также говорят многие исследователи. С другой стороны, возможно ли «вывести», дедуцировать, объяснить только из производственных отношений, например, черты национального характера того или иного народа, способ его мышления и чувствования, его менталитет?

Литература

1. Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч., 2-е изд. – Т. 3.
2. Маркс, К., Энгельс, Ф. Избранные сочинения : в 9-ти т. Т. 4. – М., 1986.
3. Ивин, А.А. Основы социальной философии.
4. Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. – Т. 3.
5. Ильин, В.В. Философия истории. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2003.
6. Поупкин, Р., Стролл, А. Философия : вводный курс. – М. : Серебряные нити, 1998.
7. Тош, Дж. Стремление к истине : как овладеть мастерством историка. – М. : Весь Мир, 2000.